

УДК 347.113

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ И ДЕЛИКТНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Плиева Н. Г.

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

Актуальность исследования, результаты которого изложены в статье, обусловлена отсутствием достаточной определённости в вопросе о разграничении договорных и деликтных требований как в практике правоприменения, так и в науке гражданского права. Целью статьи является формулирование и обоснование теоретических положений, которые могут быть использованы в правоприменительной практике и в науке гражданского права с целью разграничения договорной и деликтной ответственности. Для достижения этой цели решались следующие задачи: 1) оценить правовые позиции судов и научные положения по исследуемой проблеме; 2) обосновать вывод о недостаточном внимании к букве закона как о причине проблемности разграничения договорных и деликтных требований. Автор полагает, что проблема разграничения договорных и деликтных требований может быть разрешена методом углубленного формально-логического анализа положений гражданского законодательства, но необходимо также использование других методов (в частности системного, диалектического). Положения гражданского законодательства дают достаточные основания для разграничения договорной и деликтной ответственности. Нужно только отказаться от попыток вместо формально-логического анализа использовать для этих целей политико-правовые подходы, которые уместны только в исследованиях в аспекте *de lege ferenda*. Предложено разрешение проблемы разграничения договорных и деликтных требований, которая (проблема) связана с применением п.2 ст.307.1, п.3 ст.401 и п.2 ст.1064 ГК. Правовые нормы, регламентирующие договорную и деликтную ответственность, обычно не соотносятся как общие и специальные, поскольку сферы их действия являются смежными, а не совпадающими в какой-либо части. Но п.2 ст. 307.1 ГК распространяет с соответствующими исключениями действие общих положений об обязательствах, в том числе, об ответственности, на деликтную ответственность.

Ключевые слова: договорная ответственность; деликтная ответственность; кумуляция; формально-юридическая квалификация; убытки; вред.

Введение. Актуальность темы исследования, результаты которого излагаются в настоящей статье, обусловлена состоянием проблемы разграничения ответственности за нарушение обязательств и деликтной ответственности во всех аспектах – в правотворческом, в правоприменительном, в научном и даже в учебном. Усложнение соответствующих законодательных положений не только привело к многочисленным судебным ошибкам, но иногда создало даже такие коллизии в праве, которые в отдельных случаях приобретают характер логически неразрешимых. С течением времени всё больше проявляется стремление правоприменительной практики освободиться от жестких законодательных оков и от обязанности скрупулёзного формально-логического анализа законодательных положений и перейти к свободному поиску права, спуститься с уровня рассчитывающего разума в область души и чувств, хотя Р.ф. Иеринг как противоположное направление движения правоприменения ставил в заслугу римлянам [1, с. 289]. Это приводит к ошибкам в судебной практике, которые тем не менее находят поддержку в науке как правильные. Указанные недостатки особо остро проявились в разграничении договорной и деликтной ответственности.

Цель и задачи. Цель статьи заключается в формулировании теоретических положений, которые могут использоваться в правотворческой, правоприменительной деятельности, а также в научных исследованиях при решении вопросов, связанных с разграничением договорной и деликтной ответственности. Для достижения этой

цели решались следующие задачи: 1) оценить сложившуюся к настоящему времени судебную практику по вопросу разграничения договорной и деликтной ответственности на предмет ее соответствия действующему законодательству и логике связей между его положениями; 2) оценить разработанные в науке положения по исследуемой проблеме на предмет их соответствия потребностям практики и тенденциям прогрессивного развития общественных отношений и их правового регулирования; 3) обосновать вывод о том, что основной причиной нерешенности проблемы разграничения договорной и деликтной ответственности является прогрессирующее невнимание (недостаточное внимание) субъектов правотолкования и правоприменения к букве закона, поддерживаемое наиболее активной в научном творчестве частью ученых-специалистов в области гражданского права.

Методы и методология. Основными методами научного исследования, которые использовала автор, стали методы формально-логического и системного анализа положений действующего гражданского законодательства. Автор исходила из того, что как раз недостаточное использование этих методов стало причиной неконструктивности исследований как вообще в науке гражданского права, так и исследований проблемы разграничения договорной и деликтной ответственности в особенности. Методологическую и теоретическую базу исследования, результаты которого составляют содержание настоящей статьи, составили труды классиков мировой юриспруденции Ф.К.ф. Савиньи, Р.ф. Иеринга, Г. Кельзена, Г. Радбруха, советских ученых-цивилистов М.М.Агаркова, Е.А. Флейшиц, О.С. Иоффе, В.Т. Смирнова, А.А. Собчака, Н.С. Малеина, Ю.Х. Калмыкова, современных российских цивилистов В.А. Белова, А.Г. Карапетова, Ю.Э. Монастырского и других ученых.

Результаты исследования и их обоснование. Ответственность за нарушение обязательств и деликтная ответственность различаются по характеру права, нарушение которого влечет ту или иную ответственность. Ответственность за нарушение обязательств уже самим своим названием говорит о том, что она наступает при нарушении права, существующего в обязательстве (или корреспондирующей ему обязанности). Деликтные обязательства возникают в результате нарушения правоотношений абсолютных [2, с. 522]. Автор комментария А.М. Михайлич], абсолютных прав [3, с. 695¹; 4, с. 111]. Критерий разграничения обязательств (более широко – относительных правоотношений) и абсолютных правоотношений тоже определен. Его признавали классики мировой юриспруденции. Относительному праву противостоит обязанность определенного индивида, абсолютное право «направлено против всех остальных» [5, с. 170]. «Вещные права (если более широко, то – абсолютные. – Н.П.) отличаются от обязательств (если более широко, то – относительных прав. – Н.П.) именно их общей действенностью против всех, а не простой действенностью против определенных индивидов» [6, с. 479]. Осталось только признать деление прав и правоотношений на абсолютные и относительные логической необходимостью, о чем писал еще в XIX в. немецкий ученый Колер (Kohler) [7, абз. 39], и разграничение ответственности за нарушение обязательств и деликтной ответственности становится элементарной логической операцией. Но значение деления прав и правоотношений на абсолютные и относительные логической необходимостью ставилось под сомнение и ранее [7, абз. 26] и сейчас [8, абз. 299]. Полагаем, что отри-

¹ Автор параграфа Ю.К. Толстой.

цание логической необходимости деления прав на абсолютные и относительные осуществляется лишь потому, что есть стремление заимствовать немецкие правовые решения, которые были приняты в свое время в Германии из чисто утилитарных соображений и сознательно отходили от логики. Поэтому было бы разумным при квалификации предъявляемых в судах требований больше подчиняться логике, которая заложена в законе, а не целесообразности, как ее понимает тот или иной субъект правотолкования, с продолжением в виде косвенного законодательного признания обязательности сложившейся судебной практики без какого-либо стремления направить эту практику в сторону максимально возможного соответствия закону. Проблемы разграничения ответственности за нарушение обязательств, судя и по судебной практике и по научным публикациям, это касается в особенности. Только законодатель в поисках целесообразных вариантов правового регулирования вправе установить, что ответственность за нарушение обязательств ограничивается, например, специальными правовыми нормами, установленными ст. 475 и 723 ГК, а вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ, услуг, возмещается в правовой форме деликтных обязательств. Другой пример такого рода – признание убытков, причиненных несохранностью при перевозке грузов и багажа (ст. 796 ГК), подлежащими возмещению в правовой форме обязательства перевозки, а вреда, причиненного жизни или здоровью пассажира, – подлежащими возмещению по правилам главы 59 Гражданского кодекса. Это – очевидные отступления от логики, на которые законодатель имеет неоспоримое право, на которое субъект правоприменения или иной субъект правотолкования претендовать не может.

В.В. Байбак, признавая, что «на первый взгляд, закон не ограничивает возможность выбора способа защиты нарушаемых гражданских прав» [9, с. 636], ссылается на Постановление Конституционного Суда от 21 апреля 2003 г. № 6-П. Однако на деле, Конституционный Суд в мотивировочной части названного Постановления указал, что суды должны применять соответствующие нормативные положения в их конституционном истолковании, поэтому выбор способов защиты права должен соответствовать содержанию соответствующих нормативных положений. С этой позицией Конституционного Суда следует согласиться и прийти к выводу о том, что выбор способа защиты права возможен только в пределах, в которых это допускается законом; выбор договорного или деликтного иска недопустим [9, с. 637].

Но следует оценить, как неточное высказывание В.В. Байбака о том, что «договорный иск должен вытеснять деликтный», и о том, что «договорный иск является специальным средством защиты по сравнению с более общим деликтным иском» [9, с. 637]. Идею «вытеснения» договорным иском деликтного поддерживает Т.В. Драгунова [10]. О «вытеснении» договорным требованием о возврате вещи (о понуждении к исполнению в натуре обязанности возвратить вещь) виндикационного притязания пишет А.Г. Карапетов [11, с. 1127]. Но «вытеснить» деликтный иск возможно тогда, когда он изначально был возможен с учетом характера спорного правоотношения. И признать договорной иск специальным средством, а деликтный – общим допустимо, если деликтный иск изначально предъявить было возможно, но специальная норма такую возможность исключила. Но суды, очевидно, как и высказывания В.В. Байбака, в большей мере ориентируются не на букву закона, а на экономическую сущность вещей. Поэтому ссылки в судебных актах одновременно на положения об отдельных видах обязательств и на ст. 1064 ГК стали повседневным

явлением. И речь при этом не идет о том, когда в исковом заявлении формируется два материально-правовых требования – одно, - вытекающее из существующего или существовавшего между сторонами обязательства, а другое – из нарушения абсолютных прав. Речь идет о случаях, когда предъявляется одно из таких требований, а иск, а затем – и судебное решение обосновываются ссылками и на институт соответствующего вида обязательств, и на институт обязательств вследствие причинения вреда. Как на пример «вытеснения» договорным иском деликтного Т.В. Драгунова ссылается на Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда от 18 июня 2013 г. №1399/13. Но это Постановление мотивируется не «вытеснением», а тем, что «судами... неверно определены характер спорных правоотношений и правовая природа заявленного требования». Президиум Высшего Арбитражного Суда констатировал, что между сторонами существовало обязательство подряда, какое подрядчик выполнил ненадлежаще, а потому применению подлежат нормы гл. 37 ГК. Следовательно, требовались не рассуждения о «вытеснении», а необходимо было дать надлежащую квалификацию спорных правоотношений.

Суть спора заключалась в следующем. Стороны заключили договор подряда. Подрядчик работы по текущему ремонту помещений, включая монтаж (кладку) печного оборудования, выполнил, а заказчик выполненные работы принял и оплатил. Но вскоре (в пределах гарантийного срока) в указанных помещениях произошел пожар вследствие нарушений при монтаже и эксплуатации печного отопления установленных норм и правил. Из содержания Постановления и изложенных в нем обстоятельств дела можно сделать вывод о том, что заказчик мог предъявить к подрядчику требования, основанные на ст.723 ГК («ответственность подрядчика за ненадлежащее качество работы») и ст.1095 ГК (возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков работы). С учетом обстоятельств дела, которые по содержанию Постановления воспроизвести в деталях невозможно, заказчик (истец) мог предъявить требование о возмещении убытков на основании п.3 ст. 723 ГК. Но формулировка этого пункта с учетом контекста «потребовать возмещения причиненных убытков») не охватывает вред, причиненной недостатками работы. Но к спорным правоотношениям, безусловно, подлежала применению ст. 1095 ГК, поскольку пожар всегда причиняет вред имуществу (в данном случае, – юридического лица), и этот вред, безусловно, должен быть квалифицирован как причиненный вследствие недостатков работы. Следовательно, в той части, в которой речь идет о нарушении обязательства, должно быть предъявлено требование, вытекающее из такого нарушения. В той же части, в которой вследствие недостатков работы повреждено имущество потерпевшего, право защищается требованием о возмещении вреда, основанным на ст. 1095 ГК. А утверждение о том, что деликтное требование носит субсидиарный характер и может быть заявлено, если договор между истцом и ответчиком по каким-либо причинам будет признан незаключенным или недействительным, является неточным. Наличие договора между сторонами не исключает предъявления покупателем, заказчиком не субсидиарного, а основного требования со ссылкой на ст.1095 ГК. Правда, при этом покупатель или заказчик, который был таковым в соответствующем обязательстве, будет иметь уже иной статус – потерпевшего в деликтном обязательстве. Между сторонами на основании договора возникли обязательственные отношения, включавшие в себя основное обязательство (произвести текущий ремонт и устроить печное отопление) и дополнительное га-

рантийное обязательство, основанное на ст.722-724 ГК. Такое вытекает из данного в науке структурирования обязательственных отношений [12, с.265-277; 13, с.78, 87]. Основное обязательство прекратилось исполнением (ст.408 ГК). Дополнительное гарантийное обязательство существовало, и в период его действия возник пожар, в связи с чем заказчик получил право, предусмотренное п.3 ст.723 ГК. Кроме того, между сторонами существовало абсолютное правоотношение, содержание которого составляла обязанность подрядчика не причинять вред имуществу заказчика. Эту обязанность подрядчик нарушил, в связи с чем возникло деликтное обязательство. Так, на наш взгляд, должны быть квалифицированы спорные правоотношения. Но суд первой инстанции пришел к выводу, что ответственность в данном случае наступает на основании ст. 1064 ГК, хотя и сослался также на ст. 702 ГК. Апелляционный суд эту позицию поддержал. Кассационный суд перечень законодательных оснований своего постановления расширил за счет статей 15, 393, 401, 1082 ГК, сохранив ссылки на ст. 702 и 1064 ГК. Статья 1095 ГК при это вообще не упоминалась. Президиум Верховного Суда пришел к выводу о том, что спорным правоотношениям «подлежат применению нормы главы 37 Гражданского кодекса, а также иные нормативные положения, регулирующие договорную ответственность».

Коллегия по экономическим спорам Верховного Суда при решении вопроса о квалификации предъявленного требования по одному из дел также склонилась на сторону того, что требование носит характер договорного (Постановление от 9 июня 2016 г. № 305-ЭС16-1712). В научно-практическом издании в этой связи констатируется, что «существующая судебная практика склоняется к квалификации такого иска скорее в качестве договорного», хотя при этом и признается, что «в российской правоприменительной практике не сформировалась позиция по поводу того, какая ответственность (договорная или деликтная) должна возникать в случае, если поставленная поставщиком партия скота оказалась зараженной опасным заболеванием и после доставки ее покупателю спровоцировала заражение, за которым последовало вынужденное уничтожение или падеж другого принадлежащего покупателю скота [9, с.637]. Раз практика не сформировалась, то логично было бы, если бы автор (В.В. Байбак) предложил, как же эту практику формировать или сформировать. Но он уклонился от этого. В этой связи попробуем разобраться, какие правоотношения возникли в связи с поставкой партии свиней, которые оказались зараженными африканской чумой свиней (АЧС).

В соответствии с договором поставщик поставил покупателю свиней в живом весе, у которых была выявлена инфекция АЧС. В этой связи свиньи, свинина на кости, продукты переработки свинины и субпродукты на сумму 1 023 840 руб., полученные покупателем от поставщика подлежали уничтожению, то есть поставлен был недоброкачественный товар с существенными нарушениями требований к его качеству (п.2 ст.475 ГК). Это давало покупателю право отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар денежной суммы (абзац второй п.2 ст.475 ГК). Мы здесь не будем вникать в детали, связанные с тем, что покупатель часть товара (свинину на кости, продукты переработки свинины, субпродукты, возможно, и часть свиней) успел переработать и реализовать. Но, по крайней мере, часть уплаченной суммы продавец обязан был вернуть покупателю. Возврат денежной суммы должен быть произведен на основании положения абзаца второго п.2 ст.475 ГК в гражданско-правовой форме дополнительного обязатель-

ства, возникшего в связи с передачей продавцом покупателю товара ненадлежащего качества, и входящего в состав обязательственного отношения, возникшего на основании договора поставки, заключенного сторонами. Но полученные покупателем от поставщика свиньи инфицировали других свиней, в связи с чем в соответствии с постановлением губернатора области вся продукция покупателя была уничтожена, включая полученную от продавца, были проведены мероприятия по дезинфекции и дератизации. Стоимость уничтоженной продукции, включая свиней (кроме продукции, включая свиней, которую (продукцию, включая свиней) истец успел переработать и реализовать), расходы на уничтожение продукции, на проведение дезинфекции и дератизации), – это вред, который причинен покупателю продавцом вследствие недостатков товара. Он подлежит возмещению в полном объеме на основании ст. 1095 ГК в правовой форме обязательства вследствие причинения вреда. Таким образом, и в данном случае истец имел право предъявить к ответчику 2 гражданско-правовых требования: требование о возврате денежной суммы, которая была уплачена за недоброкачественный товар что был уничтожен и требование о возмещении вреда, причиненного вследствие недостатков товара. Все судебные инстанции не справились с задачей правильно квалифицировать спорные правоотношения.

Судебные акты, принятые еще по одному делу, одобрительно восприняты в научной публикации [10]. Страховщик, осуществивший страховые выплаты в пользу страхователя и застрахованных лиц в связи с крушением самолета ТУ-154М, предъявил иск к изготовителю двигателя, с которым собственник самолета заключил также договор на капитальный ремонт и техническое обслуживание двигателя. Учитывая наличие этого договора, кассационный суд (постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 5 августа 2014 г. по делу № А82-7538/2012) пришел к выводу о том, что изготовитель двигателя «несет обязанность по возмещению убытков, вытекающую из договорных правоотношений, хотя иск был предъявлен на основании ст. 1064 ГК. В кассационной жалобе истец также указал на то, что апелляционный суд смешал договорные и деликтные основания ответственности. Действительно, для правильной квалификации спорных правоотношений важно было обратить внимание на содержание исковых требований. Истец, к которому как страховщику права требования перешли в порядке суброгации, требовал возмещения расходов на выплату страхового возмещения в пользу авиакомпании – собственника самолета. Страховое возмещение, очевидно, включало прежде всего стоимость двигателя, в котором были обнаружены дефекты. Ответчик последний раз произвел (очевидно, - закончил) ремонт двигателя 2 ноября 2007 г. и назначил летный ресурс, который ко дню катастрофы (15 июля 2009 г.) не был выработан. Этого было достаточно для применения п.3 ст. 724 ГК («заказчик вправе предъявить требования, связанные с недостатками результата работы, обнаруженными в течение гарантийного срока») и п.3 ст. 723 ГК («если отступления в работе от условий договора подряда или иные недостатки результата работы в установленный заказчиком разумный срок не были устранены либо являются существенными и неустранимыми, заказчик вправе отказаться от исполнения договора и потребовать возмещения причиненных убытков»). Следовательно, только эти убытки подлежали возмещению по правилам глав 25 и 37 Гражданского кодекса. Ответственность за вред, причиненный жизни пассажиров, хотя и установлена положением, включенным в главу 40 Гражданского кодекса «Перевозка», но соответствующая

правовая норма носит отсылочный характер и отсылает к главе 59 ГК «Обязательства вследствие причинения вреда». А.Г. Карапетов назвал такое явление «оптовой аналогией закона» [11, с. 455], что совершенно не согласуется с пониманием аналогии закона, вытекающим из п.1 ст.6 ГК. Отсылка к гл. 59 ГК означает среди прочего способность норм, установленных этой главой, к конкуренции при применении их к правоотношениям, основанным на ст. 800 ГК (чего не может быть при аналогии закона), которая как раз и отсылает к гл. 59 ГК. Осталось только подчеркнуть, что рассматриваемую отсылку А.Г. Карапетов назвал оптовой аналогией закона в научно-практическом издании, которое должно было бы проявлять надлежащее уважение к букве закона. Указание в подпункте 1.1 ст. 117 Воздушного кодекса на выплату компенсаций в счет возмещения вреда гражданам, имеющим право на возмещение вреда в случае потери кормильца в соответствии с «гражданским законодательством» также под гражданским законодательством, имеет в виду законодательство, распространяющееся на деликтные обязательства. Поэтому определение правовой природы требования о выплате потерпевшим сумм компенсаций и возмещения вреда не вызвало никаких сомнений: это требования, основанные не на договоре перевозки, а на деликте. Иной ущерб, который требовал возместить истец, это весь вред, причиненный недостатками работ, выполненных по договору подряда (п.1 ст.1095 ГК). К этому ущербу относится и вред, причиненный собственнику самолета гибелью последнего: вследствие недостатка выполненной работы – ремонта двигателя, подтвержденного назначенным подрядчиком летным ресурсом, не выработанным к моменту катастрофы, наступила гибель самолета.

То обстоятельство, что дефекты двигателя носили конструктивно-производственный скрытый характер, и, следовательно, ответчик не мог заметить дефекты двигателя, не освобождает его ни от договорной, ни от внедоговорной ответственности, поскольку в соответствии с п.3 ст.401 ГК он освобождается от ответственности только в случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства вследствие непреодолимой силы. Другое дело, что он может предъявить регрессный иск к разработчику (конструктору) двигателя.

В компаративистском исследовании обращается внимание на то, что французское гражданское право исходит из недопустимости кумуляции деликтной и договорной ответственности [14, с. 390]. Приводится пример, когда при выполнении реставрационных работ по вине подрядчика был поврежден автомобиль заказчика. Суды первой и второй инстанций удовлетворили деликтный иск, предъявленный заказчиком к подрядчику. Кассационный суд состоявшийся по делу судебные решения отменил, поскольку стороны состояли в договорных отношениях, что исключает предъявление деликтного требования. Т.В. Драгунова, которая приводит этот пример, ссылается на французского автора Г. Винея, который пишет, что в основе решения кассационного суда лежало утверждение о том, что договор содержал подразумеваемое условие об обязанности подрядчика обеспечить безопасность имущества заказчика [10]. В.В. Байбак также пишет о «подразумеваемом договором обязательстве, вытекающем из принципа добросовестности (п.3 ст. 307 ГК РФ) и являющегося в связи с этим составной частью договорного правоотношения». Альтернативой этому автор признает выведение такой обязанности за пределы договорного обязательства. А право выбора варианта признал за законодателем. Между тем, законодатель, если речь идет о законодателе российской, свой выбор сделал. Принцип

добросовестности – это общая норма, которая распространяется на отношения, регулируемые гл. 59 ГК, если этой главой не предусмотрено иное. Ст. 1064 ГК возлагает на причинителя вреда обязанность возместить вред. Норма, установленная этой статьей, и подлежит применению к случаям, когда сторона при исполнении обязательства причиняет вред имуществу другой стороны. А «подразумеваемые нормы» – такого понятия не знает ни российское законодательство, ни российская наука гражданского права. Поэтому кумуляция требований допустима. Недопустима двойная ответственность вследствие неправильной квалификации требований и неосновательное обогащение кредитора (потерпевшего).

Из представленных примеров явствует, что суды всех уровней испытывают серьезные затруднения при разграничении обязательственных и деликтных требований. Значит, им надо помочь. А помочь им должна наука. А ученые, вместо того, чтобы такую помощь оказать, или пассивно изучают содержание соответствующий судебных актов, или констатируют, что судебная практика по соответствующему вопросу не выработала достаточно определенной правовой позиции. Ещё один путь такого же рода – это отказ от использования проверенных веками средств правотолкования в пользу оригинальных и экстравагантных решений. Выше мы уже обратили внимание на употребление В.В. Байбаком терминов «специальные (договорные) средства защиты» и «более общий деликтный иск». Возникает вопрос о том, идет ли в этом случае о способах защиты, установленных соответственно общей и специальной нормами. Скорее всего – да. Но уверенности в этом нет: стремление к оригинальности затруднило коммуникацию. Вот вполне здравая мысль А.Г. Карапетова по поводу конкуренции двух видов исков: «...кажется... логичным исключить такой выбор и просто четко определить корректную квалификацию таких исков [11, с. 1127]. Но уже на следующей странице автор излагает совсем другую мысль: «Следует стремиться к обнаружению оптимального правового регулирования той или иной конфликтной ситуации, отражающего справедливый и разумный баланс интересов сторон. Например, трудно допустить, что в равной мере справедливой и разумной является как строгая, так и основанная на вине ответственность коммерсантов по одним и тем же фактическим основаниям. На самом деле какое-то из двух конкурирующих решений является правильным, а другое нет. И задача юристов – в спорах обнаружить то решение, которое является оптимальным с политико-правовых позиций» [11, с. 1128]. Это – правильно, если речь идет в аспекте *de lege ferenda*. *De lege lata* – это совершенно неприемлемо, поскольку речь идет о гражданском праве России. Это в США правоприменительные решения находят исходя из политики-правовых резонансов и по результатам экономического анализа права и обстоятельства дела. Конституция и ГК РФ такой возможности не дают. Правда, А.Г. Карапетов не пояснил, в каком аспекте сформулировал он цитированные мысли. Но судя по характеру издания (научно-практическое) – во втором (*de lege lata*). Что касается предлагаемой А.Г. Карапетовым дискуссии, то хотелось бы, чтобы было больше дискуссии о содержании закона, а не безапелляционных утверждений, например, о том, что п.3 ст.401 ГК предполагает ответственность без вины, а п.2 ст. 1064 ГК – при наличии вины [10, с. 1128]. Есть сложнейшая проблема, которая связана с коллизией между п.3 ст.401 ГК и п.2 ст. 1064 ГК. Разрешение этой коллизии осложнено наличием оговорки «если иное не установлено законом...» в п.3 ст.401 ГК и оговорки «законом может быть предусмотрено возмещение и при отсутствии вины причи-

нителя вреда» в п.2 ст. 1064 ГК. Можно было бы утверждать, что базовые правовые нормы, установленные п.3 ст.401 ГК и п.2 ст. 1064 ГК, распространяются на разные отношения, а потому оговорка в каждой из них не отсылает к другой.

Но п.2 ст.307.1 ГК («к обязательствам из причинения вреда...общие положения об обязательствах (настоящий подраздел) применяются, если иное не предусмотрено правилами главы 59... настоящего Кодекса или не вытекает из существа соответствующих отношений») придает правовым нормам, установленным общими положениями об обязательствах, значение общих правовых норм в отношении к правовым нормам, установленным главой 59 ГК. Следовательно, и правовая норма, установленная п.3 ст. 401 ГК является в силу закона общей по отношению к правовой норме, установленной п.2 ст. 1064 ГК. Указанные общие правовые нормы, в том числе, и норма, установленная п.3 ст. 401 ГК, применяются к отношениям, на которые распространяется действие положений гл. 59 ГК, при условии, что иное не предусмотрено правилами гл. 59 ГК или не вытекает из существа отношений, регулируемых положениями указанной главы.

Есть два варианта толкования слова «иное», содержащегося в оговорке к п.2 ст. 307.1 ГК: 1) раз базовое правило предусматривает применение общих положений об обязательствах к отношениям, регулируемым главой 59, то «иное» – это предусмотренные правилами гл. 59 ГК запреты на применение общих положений об обязательствах к отношениям регулируемым главой 59 (или такие же запреты, вытекающие из существа отношений, регулируемых этой главой); 2) «иное» – установленные положениями главы 59 Гражданского кодекса правовые нормы, не совместимые с правовыми нормами, установленными общими положениями обязательств, или с существом отношений, регулируемых положениями главы. При этом несовместимость должна пониматься как логическая невозможность применения определенной нормы к данным отношениям. Представляется, что оба эти варианта толкования слова «иное», содержащегося в п.2 ст. 307.1 ГК, являются вполне допустимыми. Заметим также, что оговорка в п.2 ст. 1064 ГК «законом может быть...» никак не влияет и на базовое правило п.2 ст.307.1 ГК и на содержащуюся в ней оговорку «если иное...». Таким образом, соотношение п.2 ст.307.1 ГК и п.2 ст. 1064 ГК удовлетворительно отделено, но требуется довести до логического завершения проблему разрешения коллизии между п.3 ст.401 ГК и п.2 ст. 1064 ГК. Это возможно только при условии, что будет оценено значение оговорок, содержащихся в п.3 ст.401 ГК и в п.2 ст. 1064 ГК, которые выше приводились.

Выше мы указали на то, что оговорка п.2 ст. 307.1 ГК «если иное...» должна исключать применение общих положений об обязательствах к обязательствам, по иному регулируемым п.2 ст. 1064 ГК. «Должна», но исключает ли на самом деле? Ответ на этот вопрос связан с оговоркой, содержащейся в п.2 ст. 1064 ГК. Да, оговорка в п.2 ст. ст. 307.1 ГК отсылает, в частности, к п.2 ст. 1064 ГК. Но ведь она отсылает не только к базовой норме, установленной п.2 ст. 1064 ГК, а и к оговорке, содержащейся в этом пункте. Следовательно, п.2 ст. 1064 ГК не безусловно исключает применение к регулируемым этим пунктом отношениям общих положений об обязательствах, а при условии, если иное не установлено законом. Иное установлено п.3 ст.401 ГК, в связи с чем надо установить соотношение между оговорками, содержащимися в п.3 ст.401 ГК и в п.2 ст. 1064 ГК. Если бы правовые нормы, установленные этими законодательными положениями, соотносились как общая (преду-

смотренная п.3 ст.401 ГК) и специальная (закрепленная в п.2 ст. 1064 ГК) в силу логики, то оговорка, содержащаяся в п.3 ст.401 ГК, отсылала бы к п.2 ст. 1064 ГК. А оговорка в п.2 ст. 1064 ГК к общей норме не отсылала бы. Если допустить обратное, то при признании юридического значения этой оговорки п.2 ст. 1064 ГК утратил бы предмет регулирования. А такое допустить нельзя, поскольку при правотолковании мы должны исходить из разумности законодателя, который не может устанавливать правовую норму и тут же дополнять эту норму оговоркой, исключаяющей ее применение. Наоборот, рассматриваемая оговорка, если она дополняет общую норму, отсылает к специальной правовой норме, поскольку базовая правовая норма, снабженная такой оговоркой, имеет широкую сферу действия, и исключение (указанной оговоркой) из сферы действия общей правовой нормы общественных отношений, урегулированных специальной нормой, не лишает общую правовую норму регулятивного значения.

Но правовые нормы, предусмотренные п.3 ст.401 ГК и п.2 ст. 1064 ГК, сами по себе не соотносятся как общая и специальная. Они, по выражению В.Н. Кудрявцева, находятся в отношении перекрещивания (пересечения) [15, с. 52]: правовая норма, предусмотренная п.3 ст.401 ГК, имеет широкую сферу действия, поскольку распространяется на все виды обязательств, но эта сфера сужается, поскольку рассматриваемая норма не распространяется на обязательства, в которых хотя бы одной стороной является лицо, не имеющее статуса предпринимателя; правовая норма, предусмотренная п.2 ст. 1064 ГК имеет узкую сферу действия, поскольку распространяется только на обязательства вследствие причинения вреда, но эта сфера расширена за пределы действия п.3 ст.401 ГК, поскольку распространяется на все обязательства вследствие причинения вреда независимо от их субъектного состава.

Если обе правовые нормы, находящиеся в отношении перекрещивания (пересечения), дополнены оговорками «если иное не предусмотрено законом» или иными по грамматической форме, но тождественными по юридическому содержанию оговорками или положениями, вследствие наличия в каждой из них указанных оговорок, отсылающих одна к другой, коллизия между ними становится логически неразрешимой. О таком явлении пишут авторы одного из изданий [16, с. 514], которые предлагают разрешать подобные коллизии, обращаясь к социологическому компоненту гражданского права (это можно приравнять к тому, что немецкие ученые называют юриспруденцией интересов) или к аксиологическому компоненту (это можно приравнять к тому, что немецкие ученые называют юриспруденцией ценностей [17, 270-273]).

Поскольку речь идет об обязательствах вследствие причинения вреда, сторонами которых являются причинитель вреда и потерпевший, используя подходы юриспруденции интересов и юриспруденции ценностей, предпочтение следует отдать интересам потерпевшего, а следовательно, – применять в рассматриваемых случаях следует не п.2 ст. 1064 ГК, а п.3 ст.401 ГК: все-таки причинитель вреда вторгся в среду интересов потерпевшего, он и должен нести ответственность перед потерпевшим в условиях, когда законодатель создал в праве логически неразрешимую коллизия. De lege ferenda можно обсуждать вопрос о возложении ответственности в подобных случаях на того, кто создал ситуацию правовой неопределенности – на государство. В этом не будет необходимости, если закон четко признает составными элементами гражданского права социологический и аксиологический компоненты. Вариант при-

знания в рассмотренном случае пробела в праве был бы менее приемлемым: все-таки имеется сверхплотное урегулирование, при наличии которого вряд ли уместно говорить о пробеле в праве.

А.Г. Карапетов прав: дискуссия необходима, но она должна вестись в двух аспектах. *De lege ferenda* дискуссия должна основываться на политико-правовых подходах, а *de lege lata* участники дискуссии должны стать (возможно, уже есть основания говорить: вернуться) на твердую и незыблемую позицию закона). Формула Радбруха [18, с. 233-234] – это единственное основание отойти от указанной позиции.

Выводы: Правоприменительная практика допускает многочисленные ошибки при разграничении договорной и деликтной ответственности. Основная причина этого – отсутствие стремления к тщательному формально-логическому анализу подлежащих применению законодательных положений. Ученые-цивилисты, особенно активная в научном творчестве их часть, подталкивают правоприменительную практику в её стремлении к интуитивному постижению содержания соответствующих законодательных положений. В статье обосновывается вариант разрешения коллизии между п.2 ст.307.1, п.3 ст.401, п.2 ст. 1064 ГК и доказывается, что п.3 ст. 401 ГК применяется к отношениям, регулируемым положениями гл. 59 ГК. Вместе с тем законодатель должен стремиться не допускать логически неразрешимых коллизий между законодательными положениями, а на случай, если все-таки они будут допущены, признать возможность разрешения коллизий путем «взвешивания» интересов и ценностей.

Список литературы:

1. Иеринг Р.ф. Избранные труды. В 2 т. Т II. - СПб.: Юридический Центр Пресс, 2006.-547 с.
2. Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР / Под ред. С.Н. Братуся, О.Н. Садикова. – М.: Юридическая литература, 1982. – 680 с.
3. Гражданское право. Учебник. Часть II / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 1997. – 784 с.
4. Рузанова Е.В. Вопросы совершенствования законодательства в сфере обязательств вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних граждан: вопросы теории и практики // Власть закона. – 2015. – № 4. – С.110-120.
5. Кельзен Г. Чистое учение о праве. – СПб.: АЛЕФ-Пресс, 2015. – 542 с.
6. Савиньи Ф.К.ф. Система современного римского права. Т I. – М.: Статут, 2011. – 510 с.
7. Гримм Д.Д. Проблема вещных и личных прав в древнеримском праве // Вестник гражданского права. – 2007. – № 3 // СПС «Консультант Плюс»
8. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. – М.: Статут, 2017 // СПС «Консультант Плюс».
9. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307 - 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. А.Г. Карапетова – М.: Статут, 2017. – 1120 с.
10. Драгунова Т.В. Конкуренция договорных и деликтных требований в сфере предпринимательских отношений // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 12 // СПС «Консультант Плюс».
11. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1-16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2020. – 1469 с.
12. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. I. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. – 490 с.
13. Ротань В.Г. Система гражданских правоотношений и их структура // Власть закона. – 2019. – № 4. – С.57-88.
14. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2 т. Т.2. – М.: Международные отношения. 1998. – 512 с.
15. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. – М.: Госюриздат, 1963. – 324 с.
16. Новейшее учение о толковании права/Под ред. В.Г. Ротаня. – Симферополь, 2019. - 792 с.

17. Грехениг К., Гелтер М. Трансатлантические различия в правовой мысли: американский экономический анализ права против немецкого доктринализма // Вестник гражданского права. – 2010. – № 6. – С. 207 – 288.
18. Радбрух Г. Философия права. – М.: Международные отношения, 2004. – 240 с.

N. Plieva. Liability for breach of obligations and tort liability // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 1. – P. 214–225.

The relevance of the research, which results are presented in the article, is due to the lack of sufficient certainty in the issue of distinguishing contractual and tort claims both in law enforcement practice and in the science of civil law. The purpose of the article is formation and substantiation of theoretical provisions that can be used in law enforcement practice and in the science of civil law in order to distinguish contractual and tort liability. To achieve this goal there were solved the following tasks: 1) to assess the legal positions of the courts and scientific provisions on the problem under study; 2) to substantiate the conclusion that insufficient attention to the letter of the law is the reason for the problematic differentiation of contractual and tort claims. The author believes that the problem of distinguishing contractual and tort claims can be solved by an in-depth formal and logical analysis of the provisions of civil legislation, but it is also necessary to use other methods (particularly systemic, dialectical). The provisions of civil legislation provide sufficient grounds for distinguishing contractual and tort liability. It is only necessary to abandon attempts to use political and legal approaches for these purposes instead of formal and logical analysis, which are relevant only in research in the aspect of *de lege ferenda*. It is proposed the solution of the problem of differentiation of contractual and tort claims, which (the problem) is related to the application of paragraph 2 of Article 307.1, paragraph 3 of Article 401 and paragraph 2 of Article 1064 of the Civil Code. The legal norms governing contractual and tort liability are usually not correlated as general and special, since areas of their action are adjacent, and don't coincide in any part. But paragraph 2 of Article 307.1 of the Civil Code extends, with appropriate exceptions, the action of general provisions on obligations, including liability, to tort liability.

Keywords: contractual liability; tort liability; cumulation; formal legal qualification; damages; harm.

Spisok literatury:

1. Iering R.f. Izbrannye trudy. V 2 t. T II. – SPb.: YUridicheskij Centr Press, 2006. – 547 s.
2. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu RSFSR / Pod red. S.N. Bratusya, O.N. Sadikova. – M.: YUridicheskaya literatura, 1982. – 680 s.
3. Grazhdanskoe pravo. Uchebnik. CHast' II / Pod red. A.P. Sergeeva, YU.K. Tolstogo. – M.: Prospekt, 1997. – 784 s.
4. Ruzanova E.V. Voprosy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva v sfere obyazatel'stv vsledstvie prichineniya vreda s uchastiem nesovershennoletnih grazhdan: voprosy teorii i praktiki // Vlast' zakona. – 2015. – № 4. – S.110-120.
5. Kel'zen G. CHistoe uchenie o prave. – SPb.: Alef-Press, 2015. – 542 s.
6. Savin'i F.K.f. Sistema sovremennogo rimskogo prava. T I. – M.: Statut, 2011. – 510 s.
7. Grimm D.D. Problema veshchnyh i lichnyh prav v drevnerimskom prave // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2007. – № 3 // SPS «Konsul'tant Plyus»
8. Suhanov E.A. Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatel'nyj ocherk. – M.: Statut, 2017 // SPS «Konsul'tant Plyus».
9. Dogovornoe i obyazatel'stvennoe pravo (obshchaya chast'): postatejnyj kommentarij k stat'yam 307 - 453 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / Pod red. A.G. Karapetova – M.: Statut, 2017. – 1120 s.
10. Dragunova T.V. Konkurenciya dogovornyh i deliktnyh trebovanij v sfere predprinimatel'skih otnoshenij // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. – 2020. – № 12 // SPS «Konsul'tant Plyus».
11. Osnovnye polozheniya grazhdanskogo prava: postatejnyj kommentarij k stat'yam 1-16.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Elektronnoe izdanie. Redakciya 1.0] / Otv. red. A.G. Karapetov. – M.: M-Logos, 2020. – 1469 s.
12. Agarkov M.M. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu. V 2 t. T. I. – M.: Centr YUrInfoR, 2002. – 490 s.
13. Rotan' V.G. Sistema grazhdanskih pravootnoshenij i ih struktura // Vlast' zakona. – 2019. – № 4. – S. 57-88.
14. Cvajgert K., Kyotc H. Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava. V 2 t. T.2. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya. 1998. – 512 s.
15. Kudryavcev V.N. Teoreticheskie osnovy kvalifikacii prestuplenij. – M.: Gosyurizdat, 1963. – 324 s.
16. Novejshee uchenie o tolkovanii prava/Pod red. V.G. Rotanya. – Simferopol', 2019. – 792 s.
17. Grekhenig K., Gelter M. Transatlanticheskie razlichiya v pravovoj mysli: amerikanskij ekonomicheskij analiz prava protiv nemeckogo doktrinalizma // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2010. – № 6. – S. 207 – 288.
18. Radbruh G. Filosofiya prava. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. – 240 s.